

Безуглая Л. Р., Говоруха Н. В.
КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ТАВТОЛОГИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Утверждение в современной лингвистической науке когнитивно-коммуникативной парадигмы обуславливает приоритет исследований, предполагающих функциональное и когнитивное описание естественного языка и его единиц. Именно в рамках когнитивно-коммуникативного подхода стало возможным изучение синтаксических единиц языка, которые являются традиционными исследовательскими объектами логики и философии. Среди таких единиц – явление тавтологии, означающее в логике такое суждение/предложение, которое истинно на основе его логической формы в любых возможных мирах [9].

Лингвистические концепции тавтологии пытаются объяснить особенности ее функционирования в речевой коммуникации. В лингвистике тавтологические высказывания исследуются с привлечением когнитивно-семантического [8; 12; 15] и когнитивно-прагматического подходов, последний опирается на теорию импликаций П. Грайса [2; 7; 10; 11, с. 121-122] и на теорию аргументации [5]. При этом подчеркивается необходимость учета языковых особенностей тавтологий при их интерпретации как культурно-специфических феноменов [15, с. 392].

Исследователи едины в мнении о том, что в дискурсе тавтологические высказывания приобретают смыслы, отличные от буквальных. Однако неясным остается вопрос о когнитивных механизмах конструирования этих смыслов коммуникантами, о дискурсивных процессах, которые способствуют адекватной интерпретации тавтологических высказываний адресатом. В связи с этим исследования когнитивно-семантических и прагма-дискурсивных свойств тавтологических высказываний остаются актуальной задачей современной антропоцентрически ориентированной лингвистики.

Настоящая статья имеет целью рассмотреть особенности когнитивного механизма конструирования импликаций тавтологических высказываний в немецком диалогическом дискурсе и классифицировать их с точки зрения пропозициональных моделей реализации, что позволит приблизиться к решению указанных проблем.

Под тавтологическими понимаем высказывания повествовательной структуры, имеющие тавтологическую форму. В зависимости от морфосинтаксического критерия – грамматической сущности повторяющихся элементов, различаем пять основных структурных типа тавтологических высказываний: субстантивные (*Das Kind bleibt das Kind*), адъективные (*Sicher ist sicher*), адвербиальные (*Heute ist heute*), партиципиальные (*Gesagt ist gesagt*) и субординационные (*Ich sage, was ich sage*).

Тавтологические высказывания, употребляемые коммуникантами в диалогическом дискурсе, приобретают информативность, реализуя дискурсивные импликации – имплицитные пропозиции, которые интендируются говорящим и выводятся адресатом на основе коммуникативных максим и принципа кооперации [2]. Принцип кооперации устанавливает общую закономерность коммуникации, которая состоит в том, что коммуникативный вклад каждого участника на определенном участке коммуникации должен находиться в соответствии с ее целями. Принципу кооперации подчинены дискурсивные максимы: количества (*Будь в меру кратким и достаточно информативным!*), качества (*Будь искренним!*), релевантности (*Говори по делу!*), способа (*Будь ясным и недвусмысленным!*) [2, с. 222].

Когнитивный принцип вывода адресатом дискурсивной импликации на основе «эксплуатации» дискурсивных максим состоит в следующем: если буквальная интерпретация высказывания говорящего адресатом не устраивает последнего, это свидетельствует о нарушении этих максим говорящим, а также дает повод адресату задуматься о причине такого нарушения и прийти к выводу, что, не имея оснований не следовать принципу кооперации, говорящий хочет вложить в свои слова нечто большее, чем они конвенционально означают – таким образом адресат выводит имплицитно выраженную в высказывании говорящего пропозицию – так называемую импликацию.

Импlication, которые реализуются на основе тавтологических высказываний, интендируются и выводятся благодаря «эксплуатации» максим количества и релевантности. По словам С. Левинсона, то, что тавтологии «могут иметь какие-либо значения, объясняется эксплуатацией максимы количества. Поскольку она требует от говорящего быть информативным, высказывание тавтологии является явным ее нарушением. Если сохраняется допущение, что говорящий кооперативен, должна выводиться инференция, которая и несет информацию», при этом при формулировке импликации важную роль играет и максима релевантности [11, с. 122].

Описывая процесс возникновения дискурсивной импликации на основе тавтологического высказывания, Б. Фрейзер указывает, что «тавтологическим высказыванием говорящий дает понять адресату, во-первых, что он намеревается, чтобы тот распознал, что он имеет особое мнение относительно объектов, с которыми соотносится тавтологическая структура, во-вторых, что он верит, что адресат может распознать это мнение, в-третьих, что это мнение для коммуникации релевантно» [7, с. 217-218].

Теория импликаций Г. П. Грайса описывает, таким образом, то, как импликация «вкладывается» в тавтологическое высказывание говорящим и выводится из него адресатом. Однако, отвечая на вопрос *Как конструируется импликация?*, данная теория уходит от ответа на вопрос *Какая импликация конструируется?*. Догадавшись, что говорящий вложил в свое высказывание некий имплицитный смысл – импликацию, адресат еще должен ее адекватно вывести. Иначе говоря, вне поля зрения теории импликаций остается когнитивный механизм конструирования имплицитного смысла, реализующегося отдельно взятым тавтологическим высказыванием, функционирующим в дискурсе.

Объяснить механизм конструирования в дискурсе имплицитного смысла определенного тавтологического высказывания, на наш взгляд, позволяет метод концептуального анализа. Если рассматривать пропозицию высказывания как объединение концептов [4, с. 57, 317], то очевидно, что определяющую роль в формировании дискурсивной импликации тавтологического высказывания играет повторяющийся концепт, который предстает как фрейм – «объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации» [1, с. 37].

Для целей нашего исследования релевантной представляется концепция базовых фреймов С. А. Жаботинской, демонстрирующая наиболее общие принципы категоризации и организации вербализированной информации онтологического плана о предметах материального мира, их свойствах и реляциях [3]. «В предметном фрейме одна и та же сущность (НЕЧТО или НЕКТО) характеризуется по своим количественным, качественным, бытийным, локативным и темпоральным параметрам. Таковые представлены в наборе пропозиций, где между предметом и его свойствами устанавливается внутривитальная связь *есть/существует*: НЕЧТО *есть* СТОЛЬКО (количество); НЕЧТО *есть* ТАКОЕ (качество); НЕЧТО *существует* ТАК (способ бытия); НЕЧТО *есть/существует* ТАМ (место бытия); НЕЧТО *есть/существует* ТОГДА (время бытия)» [3].

Данный набор пропозиций можно представить как набор моделей импликатур, которые порождаются функционирующими в дискурсе тавтологическими высказываниями. Очевидно, что данные модели соотносятся с дискурсивными максимумами: первая модель соотносится с максимальной количеством, вторая – с максимальной качеством, третья – с максимальной способом, четвертая и пятая – с максимальной релевантностью. Именно таким образом, структурируя пропозиционные модели, дискурсивные максимумы способствуют порождению определенных дискурсивных импликатур.

Рассмотрим данные модели порождения импликатур на примерах. Первая модель, модель количества – НЕЧТО *есть* СТОЛЬКО, функционирует в случае адъективной и партиципальной тавтологии. Количество признака ограничивается здесь, как правило, приблизительной констатацией: *viel, wenig, genug* и т.п. Например, в следующем дискурсивном фрагменте тавтологическое высказывание *Gelogen ist gelogen*, принадлежащее отцу, который не принимает оправдания сына, совравшего учителю, реализует импликатуру *Gelogen ist zu viel, als dass man es missachten könnte*:

Im Schülertagebuch hatte mein Vater den Satz zu unterschreiben: Heinz hat mich heute belogen! <...> *Mein Lehrer hatte nämlich gefragt, ob alle ihre Hausaufgaben gemacht hätten. Wer nicht, solle aufstehen. Ich hatte nicht und stand nicht auf.* <...>

Mama ist nämlich im Elternbeirat und hat mich in persönliche Pflege genommen. <...>

«Papa hätte auch unterschreiben müssen – bei vergessenen Hausaufgaben. Und da ich nie etwas vergessen darf, habe ich es mal so versucht. Bei manch anderen klappt es, bei mir geht's schon beim erstenmal schief.»

«Gelogen ist gelogen», sagte Papa. «Und wer lügt, betrügt auch!» [13, с. 40]

Модель качества – НЕЧТО *есть* ТАКОЕ – акцентирует один из признаков предмета, который расценивается говорящим как положительный. Эту особенность семантики тавтологий отмечает и А. Вежбицка: «говорящий акцентирует уникальное качество чего-либо, которое должно быть принято, поскольку изменить его нельзя» [15, с. 395]. Так, в следующем диалоге говорящий (Фрэнки) отвечает на вопрос о фильме Феллини при помощи тавтологического высказывания *In «8½» ist Fellini ja ganz Fellini*, которое реализует импликатуру *Fellini ist genial*, акцентируя одну из характеристик великого режисера; частицы *ja* и *ganz* выполняют при этом усилительную функцию:

Sophie: ja, ich wollte dich nach dem Verhältnis dieses Films, ist ja ein Meilenstein in der Filmgeschichte sozusagen, das Verhältnis von «8½» zu deinem Film, das war es, was mich interessiert.

Frankie: Na ja. Der Film ist sicher sehr wichtig für Fellini. In «8½» ist Fellini ja ganz Fellini. Sozusagen auf dem Höhepunkt, und gleichzeitig schon im freien Fall... [6, с. 16-17]

Модель способа – НЕЧТО *существует* ТАК – акцентирует один из способов бытия предмета. В дискурсивном фрагменте, иллюстрирующем эту модель, речь идет о профессии пекаря, которую хочет выбрать мальчик; отец отговаривает его, употребляя тавтологическое высказывание *Ein Bäcker ist eben ein Bäcker*, которое предполагает импликатуру *Ein Bäcker existiert so, dass er keine Perspektiven hat*; модальная частица *eben* усиливает акцентацию:

«Bäcker müssen jeden Tag um drei Uhr aufstehen. Außerdem hat der Beruf keine Perspektiven.»

«Was hat der Bäcker nicht?»

«Ein Bäcker», begann Benno bedeutend ruhiger, «ist eben ein Bäcker. Da wird nichts weiter.»

«Im Fernsehen haben sie mal gesagt, daß Heinz Quermann auch Becker war.» [13, с.63]

Последняя модель – модель релевантности – объединяет время и место бытия: НЕЧТО *существует* ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС. Употребляя тавтологическое высказывание, говорящий акцентирует релевантность повторяемого концепта со всеми его признаками в актуальной ситуации. Например, тавтологическое высказывание *Pflicht ist Pflicht* в следующем дискурсивном фрагменте реализует импликатуру *Pflicht existiert hier und jetzt für Glasp, und er wird seine Pflicht erfüllen*:

Marha: <...> Mein anderer Sohn, der Glasp, hat seine Einberufung bekommen und geht zur Bundeswehr. Er tuts nicht gem. Es ist ein Muß. Aber Pflicht ist Pflicht. Er wird's schon schaffen. (Sie schweigt) [14, с. 326]

Следует подчеркнуть, что функционирование той или иной модели зависит, прежде всего, от дискурсивного контекста – экстралингвальных параметров коммуникации. Помещенные в другой контекст, тавтологические высказывания могут реализовать иные дискурсивные импликатуры на основе иной модели, т. е. в различных контекстах они трактуются по-разному. Именно поэтому для изучения тавтологических высказываний релевантен дискурсивный подход, выступающий в когнитивно-коммуникативной парадигме действенным инструментом анализа единиц речи.

Таким образом, когнитивно-семантический анализ функционирования тавтологических высказываний в немецком диалогическом дискурсе позволил выделить четыре пропозиционные модели порождения дискурсивных импликатур – модели количества, качества, способа и релевантности, которые обеспечивают адекватную интерпретацию тавтологических высказываний адресатом на основе дискурсивного контекста.

Перспективы исследования состоят в углублении анализа взаимосвязи структуры и семантики тавтологических высказываний, в установлении их иллюкутивного потенциала, а также в изучении их роли в реализации дискурсивных стратегий.

Источники и литература

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2001. – 123 с.
2. Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 22-127.
3. Жаботинская С. А. Теория номинации: Когнитивный ракурс // Вестник МГЛУ. – 2003. – № 478. – С. 145-164.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 549 с.
5. Эйхбаум Г. Н. Экспонентная и содержательная тавтология в коммуникативно-речевом аспекте // Языковое общение и его единицы. – Межвуз. сб. науч. тр. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1986. – С. 28-39.
6. Bauersima I., Desvignes R. FILM // Theater, Theater: Aktuelle Stücke 13. – Fr./M.: Fischer, 2003. – S. 7-95.
7. Fraser B. Motor oil is motor oil // Journal of Pragmatics. – 1988. – № 12. – P. 214-220.
8. Fritz G. Zur Verwendung tautologischer Sätze in der Umgangssprache // Wirkendes Wort. – 1981. – 31/6. – S. 398-415.
9. Grotz S. Vom Umgang mit Tautologien: Martin Heidegger und Roman Jakobson. – Hamburg: Meiner, 2000. – 291 S.
10. Harras G. Tautologische Äßerungen // Zeitschrift für germanistische Linguistik. – 1999. – № 27. – S. 1-12.
11. Levinson S.C. Pragmatik / Ins Dt. übers. von M. Viese. – Tübingen: Niemeyer, 2001. – 476 S.
12. Miki E. Evocation and tautologies // Journal of Pragmatics. – 1996. – № 25. – P. 635-648.
13. So lachte man in der DDR: Gedichte, Sketche, Anekdoten. – Augsburg: Weltbild, 2005. – 318 S.
14. Sperr M. Landshuter Erzählungen // Wunschkonzert. – M.: Raduga, 1983. – S. 265-330.
15. Wierzbicka A. Boys will be Boys: even 'truisms' are culture-specific // Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction. – Berlin, New York: de Gruyter, 1991. – P. 391-452.

Белогуб А. Л.

БИБЛЕЙСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОПОНИМИКЕ

Историко-географическое толкование материальной культуры, известной нам по Библии, знакомит нас с географическими названиями, существовавшими на Ближнем Востоке в те далекие от нас времена. Поражает широкий топонимический ареал некоторых из них, рассеянных по многим странам и континентам на большом расстоянии друг от друга, поэтому топонимическая лексика библейского происхождения не может не интересовать географов и лингвистов, археологов, историков и других специалистов.

Вопрос лексической миграции, в том числе терминологической и топонимической лексики изучен полно и обстоятельно, однако вопрос о влиянии библейских географических названий на образование топонимов в межнациональном социуме до сих пор остается открытым. Правда, появляются в последние десятилетия работы, посвященные изучению языка Библии, напр., исследуются библеизмы, фразеологизмы, синонимия и пр., однако влияние библейской географии на образование новых топонимов в других регионах, т. е. их топонимобразующая функция еще не была предметом специального изучения. Исследование этого вопроса является, на наш взгляд, *актуальным* и *перспективным* направлением в описании топонимической лексики. Этот вопрос приобретает тем большую актуальность, что особенно на Украине возрастает интерес представителей всех слоев населения к священному Писанию, к культурной традиции древних евреев, к служению Богу.

Задачей нашего исследования является установить те топонимы, в основе образования которых лежат библейские географические названия. *Цель работы* – показать влияние христианства на номинативную деятельность населения межнационального социума.

Теоретические положения нашего исследования основаны на трудах А. В. Суперанской, В. В. Кузикова, А. П. Крысина и др. *Эмпирический материал* был получен выборочным методом из библейской энциклопедии. [1].

Для номинации новых географических объектов заимствуются как названия бывших государств, так и названия древних городов. Так, напр., страна, славившаяся самым лучшим золотом, офирское золото, – это *Офир*. Царь Соломон посылал свои корабли в Офир, и они привозили много золота, красного дерева и драгоценностей. Торговые экспедиции по Средиземному морю совершались в Финикию, Сирию и Офир. Где был расположен Офир, сейчас неизвестно. Некоторые исследователи предполагают, что в Индии, где найдены развалины среди залежей золота. Другие предполагают также, что Офир относится к южному берегу Аравии. У западных берегов Йемена найдены следы древних серебряных и золотых приисков [1, с. 295]. Библейское название страны переносится на название гор в Индокитае и города на Аляске. *Гора Офир*, 1276 м, находится на полуострове Малакка, а одноименная гора высотой 2912 м возвышается на острове Суматра, Индокитай. *Поселок Офир* появляется на Аляске на реке Иннок, впадающей в один из притоков Юкон.

Существовавшая в древности страна исчезает бесследно, нет никаких сведений об этой некогда богатой стране; о ее существовании напоминают лишь ойконим и два оронима; библейское название подтверждает существование этой страны. Происходит семантическое изменение слова – сужение объема значения: слово обозначало государство, а теперь определяет город, т. е. используется в новой для него функции. В семантической мотивированности происходят изменения; название города и двух гор Офир сейчас не мотивированы, т.к. о существовании государства Офир уже забыли; то, что было важно в древности, с годами теряет свою актуальность, свою сущность и постепенно забывается носителями языка. Здесь можно говорить и об отголосках христианского учения, с помощью которого сведения о государстве Офир были переданы далеко на север, на Аляску. Жители Аляски увековечивают название государства в виде ойконима, названия города, расположенного в другой местности. Топоним Офир почти непродуктивен в словообразовательном отношении, т. к. нам не удается обнаружить ни одного производного или сложного топонима, образованного с помощью слова Офир.

Столицей Сирии является в настоящее время *Дамаск*. Этот город был объявлен столицей Сирийской республики после провозглашения независимости Сирии в 1941 г. Несмотря на многочисленные попытки завоевать страну, Дамаск просуществовал с XVI века до н. э., когда появляются первые сведения о нем, до наших дней. Город сохраняет свое название до нынешних времен; название города переносится на небольшую железнодорожную станцию под городом Дамаск. Три одноименных города *Дамаскес* появляются в США в штатах Виргиния, Джорджия, Огайо. Название города в Сирии ложится в основу ойконимов в США, в стране, преобладающее большинство населения которой составляют протестантские христиане. В странах, где родилась Библия, в странах, которые были христианскими на протяжении 600 лет, в том числе и в Сирии, христианство